**Сознание как «загадка» и «тайна»:
к парадоксам «радикального когнитивизма»***

Д.И. Дубровский

В последние десятилетия проблема сознания приобретает все более высокую актуальность. В связи с этим в психологии возникли многочисленные концептуальные построения, которые претендуют на роль «теории сознания». Как правило, эти теории, будучи различными по содержанию, не проходят основательную критическую проверку, что способствует впечатлению интенсивной и успешной разработки проблемы сознания. Между тем некоторые из них, получившие среди психологов высокую официальную оценку, страдают серьезными недостатками и весьма далеки от того, что в эпистемологии принято считать теорией. Это показано на примере рассмотрения и критического анализа весьма популярной «теории сознания» известного психолога В.М. Аллахвердова, который создал свою школу, выступает с позиций «радикального когнитивизма», претендует на то, что раскрыл «тайну сознания» благодаря принципиально новой теории, способной стать теоретическим базисом психологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория сознания, субъективная реальность, бессознательное, знание, информация, психофизиологическая проблема, эпистемология, методология науки, «радикальный когнитивизм».

ДУБРОВСКИЙ Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

ddi29@mail.ru

www.dubrovsky.dialog21.ru 8-926-430-49-11

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Цитирование: *Дубровский Д.И.* Сознание как «загадка» и «тайна»: к парадоксам «радикального когнитивизма» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 151–161.

Несмотря на значительные результаты разработки проблемы сознания, достигнутые за последнее время, в публикациях философов и психологов все чаще можно услышать эмоционально насыщенные утверждения, что сознание остаётся неразрешимой «загадкой», «тайной», сплошным «парадоксом», что здесь мы зашли в тупик. Казалось бы, такие утверждения нельзя принимать всерьёз. Но они высказываются и «обосновываются» известными психологами и философами. И этого, конечно, нельзя оставить без внимания. На мой взгляд, такие слишком пессимистические и неосновательные заявления вызваны не только действительными трудностями проблемы сознания, но и более глубокими причинами социального и экзистенциального характера.

Пожалуй, главным провозвестником «тайны» и «парадокса» сознания является у нас известный психолог В.М. Аллахвердов, давно и многократно заявлявший об

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16-18-10229).

© Дубровский Д.И., 2017 г.

этом в своей книге [Аллахвердов 2000] и статьях последних лет. Приведу некоторые характерные суждения автора. «Сознание — самое ценное достояние человека. Разве кто-нибудь хотел бы жить вечно, если бы его жизнь протекала в бессознательном состоянии? Тем не менее, никто не знает, ни что такое сознание, ни как оно возникло, ни что оно делает. Об этом с ужасом пишут многие великие мыслители» [Аллахвердов 2009^a, 137]. И далее автор цитирует «великих мыслителей», которые «с ужасом» пишут об этом. Первым у него выступает М.К. Мамардашвили (не буду здесь касаться, кого следует называть великим мыслителем; у нас есть на то ясные образцы — Платон, Гегель, Кант и т.д.). «Сознание, — утверждает М.К. Мамардашвили, — есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как учёные не знаем ничего» [Мамардашвили 1996, 215]. Надо ли разяснять, что приведённое высказывание носит, так сказать, «лирический» характер, лишено научного смысла? Далее в качестве «великих мыслителей» автор цитирует известного психолога В.П. Зинченко и малоизвестного философа Р. Перри, которые без «ужаса» заявляют примерно то же. И совсем уж напрасно автор присоединяет к этой кампании моего уважаемого коллегу из Института философии Е.А. Мамчур, которая просто говорит о трудностях проблемы сознания.

После приведённого вступления у Аллахавердова следует раздел статьи, озаглавленный «Печальная история попыток решения проблемы». В нем он утверждает, что все подходы к объяснению сознания, включая современные, безрезультатны. Он говорит о попытках объяснить сознание с позиций физиологии, начиная с И.М. Сеченова и кончая современной нейронаукой: «Конечно, всегда можно надеяться: а вдруг сознание порождается ещё неизвестным физиологическим процессом или обеспечивается особой организацией известных физиологических процессов?.. Однако, повторяюсь, никто не знает, что такое сознание. Как же его тогда можно найти? А если даже кто-то вдруг случайно найдёт, как он сможет убедиться, что нашёл именно то, что искал» [Аллахвердов 2009^a, 137–138]. «Наконец, если психика полностью детерминирована физиологическими законами, то у неё, вообще говоря, не должно быть никакой самостоятельной активности и никаких своих законов. Но это выглядит совсем странно» [Там же, 138]. «Сознание не является рабом собственного мозга, а управляет им» [Аллахвердов 2012^a, 58].

Я привёл эти цитаты, чтобы показать, на каком уровне рассматривается автором близкая мне проблема «Сознание и мозг». Ни слова о результатах расшифровки мозговых кодов явлений субъективной реальности, которые весьма значительны (имеется в виду направление, именуемое «Чтением мозга»). Ни слова о концепциях ведущих отечественных нейрофизиологов — А.М. Иваницкого, В.Я. Сергина, Е.Н. Соколова, К.В. Анохина, внесших существенный вклад в разработку психофизиологической проблемы. Никаких намеков на существующие способы решения основных теоретических вопросов проблемы «Сознание и мозг», широко представленных в научной и философской литературе. На таком же уровне оцениваются и другие подходы. «Признали: психика и сознание отражают не физиологические процессы и не самое себя, а внешний мир. Следовательно, сознание должно развиваться по логике отражения внешнего мира. Но тут же выяснилось: отражение быстрее и точнее происходит неосознанно... А сознательный контроль над подобными процессами ведёт лишь к ошибкам и сбоям». Вывод: «Остаётся загадочным, что же все-таки самостоятельно делает сознание и как оно способно проявлять активность... Неосознаваемое каким-то образом входит в сознание, в которое по определению не входит. Пришли в тупик. Идти далее в этом направлении бессмысленно» [Аллахвердов 2009^a, 137].

Комментировать все это крайне трудно, ибо автор часто нагромождает не вполне корректные суждения, смешивает разные уровни бессознательных информационных процессов в их отношении к осознаваемым информационным процессам. Чтобы критически разобрать суждения и «логику» автора, потребовалось бы слишком много места и времени. Удивляет, однако, что автор уверенно судит о путях ошибочного объяснения сознания, хотя настойчиво утверждал, что о нем «никто не знает, что это такое». Значит, он тоже не знает? Или все-таки делает для себя исключение? Ниже

я попытаюсь рассмотреть этот «парадокс». Здесь же надо сразу отметить некоторые, мягко выражаясь, некорректные утверждения. Сознание отображает не только внешний мир, но и самого себя. Иначе автор не мог бы знать ничего о собственном сознании, не мог бы рассуждать о сознании вообще. Это относится и к тому, что он называет неосознанным, бессознательным. Нагнетание «парадокса» сознательного и бессознательного связано с неопределенностью значений соответствующих терминов, которые употребляются автором в разных контекстах и смыслах. Критикуемые В.М. Аллахвердовым подходы к объяснению сознания плохо упорядочены, часто пересекаются, во многих отношениях повторяются, представлены в той же форме и манере, как и упомянутые выше. Все они также оцениваются им резко отрицательно. Он категоричен и в своем отношении к феноменологии, к бихевиоральному, социокультурному (Л.С. Выготский и др.), лингвистическому, эволюционному, функционалистскому, психоаналитическому подходам. При этом названные подходы представлены в крайне упрощенном виде. Вот как, например, характеризуются взгляды сторонников эволюционистского подхода: «Мы не знаем, что такое сознание, но знаем, что оно полезно. Оно способствует выживанию человеческого рода и помогает адаптироваться к окружающей среде. Главная цель человеческого организма, как и любого живого существа – выжить. Странно, что так писали даже выдающиеся психологи. Замечу, – продолжает автор, – что такая цель не задаёт никаких конкретных действий (кроме разве экстремальных ситуаций). И нет ни одного критерия, по которому можно было бы решить, кто лучше в истории человечества осуществил эту свою главную цель. Ведь выжить не удалось никому» [Там же, 139]. Как говорится, без комментариев! Приведённые установки и оценки повторяются (иногда дословно) во многих статьях В.М. Аллахвердова, в которых развиваются и более подробно излагаются его соображения. При этом остаётся не вполне ясным его понимание соотношения понятий «сознание» и «психика». Критикуя трактовку сознания как «интегратора психических процессов», он пишет: «О психике мы заведомо знаем ещё меньше, чем о сознании, вообще знаем о ней лишь по аналогии с сознанием. И уж, конечно, не знаем толком, ни что она такое, ни что конкретно делает, ни, тем более, на какие именно различные психические процессы распадается и зачем эти процессы надо интегрировать. Все строго наоборот! Учёные, не зная, что такое сознание, решили классифицировать неведомое, надеясь расчленивать загадочную психику на более мелкие и более понятные психические процессы. Эта классификация до сих пор никак не обоснована» [Аллахвердов 2009⁶, 364]. Опять мы видим некую радикальную и потому несостоятельную позицию автора.

Действительно, в психологии нет четкой и концептуально обоснованной классификации и систематики психических явлений. Решение этой задачи – дело крайне важное и актуальное. Тем не менее выделяемые обычно виды психических явлений и процессов, как правило, вполне отвечают целям большинства психологических исследований. Имеются в виду мышление, речь, память, воля, желание, восприятие, ощущение, эмоции и т.д. Категорически отвергая подобную классификацию, Аллахвердов находит союзников. Один из них, В.А. Иванников, заявляет: «Положение об отдельных процессах надо отвергать». Приведя эту цитату, Аллахвердов добавляет: «Я уже писал о сюрреалистическом безумии этой классификации. Она к тому же обладает нулевым или даже отрицательным эвристическим потенциалом» [Там же, 365]. Почему? Оказывается потому, что любой выделенный процесс «проявляется во всем диапазоне психического» [Там же]. Однако с таким выводом нельзя согласиться. Возьмём, например, ощущение красного, которое выделяется и изучается психологом. Хотя это явление, будучи осознаваемым, способно проявляться во всем диапазоне психического, оно вполне сохраняет свою «самостоятельную» специфику в отличие от других видов психических явлений и функций, например, от умозаключения автора, отрицающего правомерность выделения ощущения как особого психического процесса. На таком же основании он мог бы запретить «выделение» и специальное изучение практически любого объекта научного исследования, скажем, электромагнитных волн, поскольку они проявляются во всем диапазоне физических процессов. В мире нет ничего

абсолютно самостоятельного, всякое формирование объекта познания предполагает вычленение его из бесконечного числа связей. Хорошо известны методологические процедуры, которые обеспечивают корректное «выделение» объекта познания. Надо ли повторять эти прописные истины?

Особого внимания заслуживает в работах Аллахвердова решение вопроса об отношении сознания и бессознательного. Хотя выше о нем уже кратко говорилось, надо на этом остановиться подробнее. Если утверждается, что мы ровно ничего не знаем о сознании, то это означает, что мы также не можем ничего знать о том, что именуется бессознательным. Но это автора не смущает. Он уверенно рассуждает о бессознательном. Более того, утверждает, что именно бессознательное целиком определяет все то, что происходит в сознании. По его словам, проводимые им эксперименты «...приводят... к выводу, что практически все, что раньше считалось исключительной прерогативой сознания: принятие сложных решений, семантические преобразования, постановка целей, вынесение социальных оценок и моральных суждений и многое другое, – все это сначала происходит неосознанно и лишь потом осознается. Что же в таком случае делает сознание?» [Аллахвердов 2014, 41]. Выходит, человек – некий автомат, лишенный ответственности за свои действия, а его сознание – эфемерная надстройка над бессознательным, оно не обладает какой-либо самостоятельной активностью, творческой способностью. Но автор ведь не может отрицать, что он совершает сознательные действия, самостоятельно мыслит. Значит, он обязан прилагать сказанное им к самому себе. И тогда он не может нести ни малейшей ответственности за свои мысли и, конечно, за свои утверждения о сознательном и бессознательном. Они сложились помимо его сознательных намерений и размышлений. Лозунг «Вперед к теории» (в названии его статьи, из которой приведена цитата) тоже является продуктом его бессознательного, а не сознания. Такая вот получается сюрреалистическая картина.

Аллахвердов чётко не различает бессознательное как текущий в данном интервале определённый информационный процесс и бессознательное как стойкую диспозиционную структуру, сформированную в филогенезе или онтогенезе. Видимость логики в его рассуждениях поддерживается неукоснительной альтернативой сознательного и бессознательного во всех отношениях. В действительности же есть разные уровни и разные формы бессознательного, имеющие свои специфические способы связи с сознанием. Некоторые из них, задействованные в управлении внутренними органами, вовсе не осознаются или осознаются в крайне малой степени. Это касается и прочно вытесненных желаний, мыслей. Такие информационные процессы в определённых интервалах могут протекать автономно от сознательно переживаемых психических состояний, но в ряде случаев способны опосредствованно влиять на них. Это, однако, требует в каждом случае конкретного анализа.

Особый вопрос – соотношение сознания и памяти, в которой хранится огромный объём информации, воплощающий историю личности. В реальном процессе мышления, при любом текущем сознательном переживании происходит непрерывное извлечение определённой информации, определённого «содержания» из памяти, т.е. актуализация в форме осознания, и вместе с тем дезактуализация, «опускание» уже использованной информации обратно в память. Это двуединый процесс динамической связи и смены сознательного и бессознательного. Но управляется он сознательной целью; припоминание осуществляется сознательным усилием, даже если результат достигается не тотчас, а спустя некоторое время. Я не говорю уже о процессе обучения, элементы которого вначале находятся все время под тщательным контролем сознания и лишь по мере достижения цели научения выполняются зачастую бессознательно.

Всякое явление субъективной реальности, т.е. осознаваемое психическое состояние, формируется и реализуется на уровне Эго-системы головного мозга, его подсистемы, ответственной за личностные свойства человека, за наше Я [Damasio 2012; Матюшкин 2007]. Эго-система (её чаще называют «Самостью») включает генетический и биографический уровни организации, представляет собой сознательно-бессознательный контур переработки информации, в котором, собственно, и реализуется

процесс осознания. Он представляет собой два взаимосвязанных фундаментальных свойства человеческой психики: 1) способность личности иметь информацию в «чистом» виде и 2) способность оперировать ею по своей воле в весьма широком диапазоне. Хотя мне приходилось об этом много писать, думаю, здесь будет уместно все же кратко повторить суть дела.

Всякая информация необходимо воплощена в материальном носителе. Как свидетельствует нейронаука, носителем информации, выступающей в виде осознаваемого или бессознательного психического явления, служит определенная мозговая нейродинамическая сетевая система. В каждом из этих случаев она обладает спецификой, особенностями своей функциональной кодовой структуры. Информация, данная мне в «чистом» виде, означает, что когда я вижу экран моего компьютера, то при переживании этого явления субъективной реальности носитель информации для меня элиминирован. Мне дана информация как таковая, сама по себе (образ экрана компьютера), но я ничего не знаю, не чувствую из того, что при этом происходит в моем мозгу. В то же время я могу по своему желанию оперировать этой информацией в «чистом» виде, управлять ею в довольно широком диапазоне. Таковы фундаментальные свойства нашей психики. Информация об экране компьютера может существовать в бессознательной форме, пребывать, как иногда выражаются, «в темноте»; но для того, чтобы она была представлена мне в «чистом» виде, требуется дополнительное кодовое преобразование на уровне Эго-системы. В результате возникает феномен информации об информации. Я не только вижу предмет, но знаю, что именно я вижу этот предмет и оцениваю достоверность того, что вижу. Здесь включается ряд механизмов саморегуляции и самоорганизации, выработанных в филогенезе и онтогенезе, которые слабо рефлексируются, проявляются лишь на периферии поля осознания; часть же из них функционируют бессознательно. Отмечу лишь некоторые из них. Прежде всего, это «чувство принадлежности» (как его называют психиатры), принадлежности переживаемых мной явлений субъективной реальности моему Я. Нарушение этого чувства влечёт психопатологические следствия — явления деперсонализации и дереализации. Чувство принадлежности лежит в основе способности самоотображения нашего Я и самосознания, обуславливает двумерность всякого акта сознания, т.е. одновременного отображения некоторого объекта и самого себя. Что касается механизмов оценки достоверности зрительного образа, то они выработаны в течение сотен миллионов лет эволюции, имеют первостепенное значение для выживания и потому обладают высокой степенью надежности; часть их, имеющая фундаментальный характер, функционирует на дописиическом, генетическом и на бессознательно-психическом уровнях. Но у человека над ними надстраиваются механизмы сознательной саморегуляции и самооценки, опирающиеся на исторический, биографический опыт и особенно в последнее время на достижения науки и технологий.

Сознательное переживание определяется более высоким уровнем информационных процессов, позволяющим моделировать и производить действия в виртуальном плане, осуществлять сложные познавательные процессы, в том числе прогностического и творческого характера, направлять, мобилизовывать, оценивать переработку информации на бессознательном уровне в соответствии с сознательно поставленной целью, которая как бы «погружается» на бессознательный уровень и задаёт вектор его работы. Неверно считать, будто сознание лишь повторяет то, что уже сформировалось на бессознательном уровне. Опыт выдающихся творцов в области науки, поэзии, живописи свидетельствует об активной деятельности сознания на всех этапах творческого процесса, поскольку именно сознательные установки поддерживают и целенаправленно творческое напряжение, задают критерии искомого результата. Я не говорю уже о таких сознательных состояниях как вдохновение, страстное, иногда мучительное стремление решить труднейшую проблему, создать нечто выдающееся.

Несмотря на то, что бессознательные психические процессы, взятые во всех их формах, действительно по своему «содержанию» и количеству операций превышают на много порядков то, что происходит на уровне сознания, более того выступают

необходимой подосновой всякого сознательного акта, именно сознание составляет высшую форму психической деятельности человека, определяет «принятие сложных решений, семантические преобразования, постановку целей, вынесение социальных оценок, моральных суждений и многое другое» (см. приведённую выше цитату Аллаhverдова). Осмысливая весь свой многолетний опыт изучения сознания, он пишет: «...все, что я читал в литературе, вызывало у меня недоумение и непреходящее впечатление, что и вчерашние, и сегодняшние теоретические построения не просто неверны, а неверны принципиально, ибо опираются на заведомо ошибочные допущения» [Аллаhverдов 2014, 41].

Как видим, нас готовят к настоящей революции в философии и психологии, к коренному перевороту в теоретическом осмыслении сознания и психической деятельности. И эту революцию призван совершить наш автор. Многократно повторяя, будто никто в мире не знает, что такое сознание, что оно покрыто непроницаемой тайной, он, как нетрудно было догадаться с самого начала, уже хорошо знал, что это такое. Он предлагает принципиально новую «теорию сознания», стремится дать ответ на главный вопрос: «Зачем нужно осознавать, если всё вначале решается без осознания?» [Аллаhverдов 2012^a, 53]. «Осознание — это процесс приписывания качества осознанности тому, что уже наличествует в неосознаваемой сфере. Экспериментальные факты это ясно показывают» [Аллаhverдов 2009^a, 147]. Смотри что и для кого «ясно показывают»! Тем не менее, как он утверждает, сознание играет важную роль в процессе познания: «Сознание рассматривается как имитатор познавательной деятельности, направленный на получение субъективно переживаемых положительных эмоциональных сигналов... Такая имитация делает процесс познания более эффективным» [Там же, 137]. Описание и объяснение сознания ограничивается, так сказать, когнитивистским планом изучения, «сознание — всего лишь инструмент познавательной деятельности» [Аллаhverдов 2014, 41]. «А из этого уже следует, что объяснять природу сознания надо логикой познания без помощи физических, биологических, физиологических, социологических и каких-либо иных аргументов» [Там же, 45]. При этом остаётся неясным, что такое «логика познания», на которую падает столь большая объяснительная нагрузка (о «логике познания» речь идёт во многих работах Аллаhverдова). Не проясняет это понятие специальный раздел «Логика познавательной деятельности», который имеется в одной из его статей [Аллаhverдов 2012^a]. В нём приводятся несколько самых общих суждений о познании, иногда не вполне корректно сформулированных.

Как мы помним, вся основная познавательная деятельность совершается на бессознательном уровне. «Познавательная деятельность, — пишет он, — это не приём, хранение и переработка информации, автоматически осуществляемые физиологическими механизмами, а проверочная деятельность... Зачем нужно осознавать, если всё вначале решается без осознания?» [Там же, 57]. Первый путь проверки состоит в том, чтобы «строить модели мира принципиально разными, независимыми друг от друга способами» [Там же]. Функцию проверки и оценки «выполняют эмоциональные сигналы», они «выступают в качестве критериев эффективности работы познающей системы» [Там же]. «Так создаётся дополнительный контур независимой проверки. Его можно назвать психикой. Этот контур не получает непосредственно никакой информации от внешнего мира и питается лишь эмоциональными сигналами» [Там же, 58]. Непонятно, кто (что) получает непосредственно информацию из внешнего мира. Глаз, рука, отдельные структуры мозга? Психика «питается» не сенсорной информацией, а только эмоциональными сигналами? А как быть с сознанием? Чем оно «питается»? В ряде мест текста остаётся неясным, относятся ли эмоциональные сигналы к явлениям сознания или нет. Более того, не вполне ясно, включает ли психика сознание или оно составляет особый, более высокий уровень познавательной деятельности, надстроенный над психикой. Ведь ниже, говоря о психике, автор считает, что «при желании можно назвать её когнитивным бессознательным» [Там же]. Где же здесь «логика познания»? Вместе тем автор чётко выделяет «три способа проверки знаний: проверка всей совокупности знаний на внутреннюю согласованность (непротиворечивость); независимая

проверка знаний, сопоставляющая результаты познания, полученные принципиально разными, независимыми друг от друга способами; проверка на интерсубъективность...» [Там же]. Подчёркивается главная роль проверочной деятельности, особенно независимой проверки, и необходимость постоянной проверки всей совокупности знаний на внутреннюю согласованность. Последняя как раз является функцией сознания, которое представляет собой «особый когнитивный механизм, проверяющий всю совокупность осознанных представлений на непротиворечивость и пытающийся устранить обнаруженные противоречия» [Аллахвердов 2012⁶, 2]. (Сознание проверяет осознанное?) Из всего этого трудно понять, в чем же состоит «логика познания». Выходит, в проверочной деятельности?

Несмотря на недостаточную ясность понятия «логика познания», Аллахвердов выводит из него не какие-то частные следствия, а «законы работы сознания». Вот их неполный перечень: «Сознание всему — даже совершенно случайным событиям — приписывает причины, все объясняет, всё со всем связывает и всему придаёт смысл. Сознание защищает свои конструкции от опровержения, т.е. стремится подтверждать и сохранять собственные предположения. Если получаемая информация противоречива, то сознание пытается избавиться от этой информации или так исказить её, чтобы имеющееся противоречие перестало осознаваться или оценивалось как несущественное» [Там же]. Как же тогда сознание может выполнять проверочную функцию? Приведенные «законы сознания» представляют, как видим, ряд крайне общих и не вполне корректных суждений. Специалист в области эпистемологии, да и всякий непредвзятый исследователь, знакомый с проблемой сознания и методологией науки, сможет сам оценить это. Слишком много неясностей, двусмысленностей, противоречий. Их перечень занял бы много места. Тем не менее автор полагает, что открытые им «законы работы сознания» могут служить объяснению того, «как происходит эволюция знания в истории человечества» [Там же]. «Эти законы во многом и определили реальную эволюцию знания» [Там же, 16]. И реальную эволюцию научного знания в том числе?

Свою «теорию» Аллахвердов часто называет «психологией сознания». Подводя итоги ее рассмотрения, можно с уверенностью сказать, что обещанная им революция в философии и психологии не состоялась. Я взял понятие теории в кавычки, так как в действительности оно должно обозначать хорошо организованную и основательную систему научного знания, сильно отличающуюся от того, что предъявлено автором; кстати, многие психологи, как и он, слишком вольно пользуются этим термином. Разумеется, в психологии и философии есть много жанров, не рассчитанных на выдвижение и обоснование новой теории. Предлагаемая работа может быть просто ценным эмпирическим обобщением на основе проведенных автором экспериментальных исследований, служить обзору и систематизации обширного материала по важной теме или критическому анализу некоторого направления и т.д. Но если автор предлагает нам теорию, то он обязательно должен учитывать все основные свойства той системы знания, которую он обозначает этим термином (подробнее см.: [Швырев 2009, 973–975]). Для теории обязательно, если быть кратким: 1) четкое ограничение и описание основных вопросов решаемой проблемы, 2) выдвижение и четкое формулирование исходных посылок (их должно быть как можно меньше), 3) выведение на их основе объяснительных следствий, т.е. ответов на поставленные вопросы. Во многих случаях теория выполняет не только функцию описания и объяснения, но и функцию предсказания. Настоящая теория открывает новые экспериментальные возможности и к тому же «удобна» для критики в том смысле, что мы тут решаем две главные задачи: тщательно проверяем исходные посылки и, если они принимаются, то затем тщательно проверяем выводимость из них объяснительных следствий. Каждая предлагаемая теория требует жестких критических испытаний.

Часто вместо теории говорят о концепции. Хотя эти понятия близки друг к другу, их, на мой взгляд, следует все же разграничивать. Концепция тоже претендует на теоретическое объяснение. Но в ней нет той полноты и четкости, которая свойственна

теории; опираясь на верную идею и объясняя многие актуальные вопросы, будучи полезным достижением, она зачастую слабо упорядочивает свою предметную область, обычно слишком расширяя её, нередко содержит значительные неопределённости и теоретические прорехи. История науки показывает, что концепция, правда, далеко не всегда, может стать теорией.

Прошу прощения у тех, кому может показаться, что я занимаюсь ликбезом. Я привел эти общеизвестные положения о теории и концепции в связи с желанием объяснить, почему я столь подробно рассмотрел «теорию» В.М. Аллаhverдова, привёл множество его цитат (ведь автор должен говорить своими словами), потратил на все это так много времени? Конечно, не только для того, чтобы выразить критическое отношение к позиции автора, и не потому, что его взгляды занимают действительно некое важное место в современной психологии (замечу, однако, что все цитированные мной работы В.М. Аллаhverдова выполнены по грантам РГНФ и РФФИ). Главный смысл этого я видел в следующем. Современная психология крайне остро нуждается в основательных теоретических разработках. Неудивительно, что за последние годы возникло множество разнообразных концепций, которые зачастую не стыкуются между собой или явно противоречат друг другу, слабо обоснованных общих «систем», «теорий» примерно такого же уровня, как рассмотренная выше. Нередко мы видим ряд совершенно непрофессиональных в методологическом отношении построений, претендующих, однако, на большой теоретический вклад в решение фундаментальных проблем. Я не говорю уже о тех психологических и корпоративных механизмах “производства” и защиты психологических теорий, их зависимости от предпочтений “начальства” и клановых интересов, которые так остроумно, едко и достоверно обрисовал А.В. Юревич в своей замечательной книге “Психологи тоже шутят“ [Юревич 2012].

Однако, как ни странно, в психологической литературе почти отсутствует серьёзный критический анализ выдвинутых теоретических построений. Даже наиболее сомнительные из них многие годы «благополучно» существуют, «развиваются» учениками их создателей, укрепляя видимость их действительной значимости. В случае несовместимости теоретических построений, существенных противоречий между ними, их сторонники предпочитают, так сказать, взаимную амнистию, сохранение «мира и благодати». Например, в книге Г.В. Акопова, посвященной проблеме сознания в психологии, вышедшей третьим изданием, дан обзор основных теоретических разработок проблемы сознания в российской психологии [Акопов 2010]. Но нет никакого серьезного их критического анализа! Все они оцениваются положительно, как несомненный вклад в развитие психологической науки. Автор отмечает, что «в целом ряде новых направлений отечественной психологии сознание “работает” не только как базовая категория, но и как отчетливо операционализированное понятие» [Там же, 12]. К числу таких новых направлений, по его словам, относится “психологика сознания как новый общепсихологический базис психологии, разрабатываемый научным коллективом В.М. Аллаhverдова“ [Там же]. Психологика сознания создает одну из “новых точек роста отечественной психологии” [Там же, 21, 31]. “Обращаясь к отечественным исследованиям по проблеме сознания”, автор выделяет, как “наиболее разработанные психосемантическую концепцию В.Ф. Петренко и психологию В.М. Аллаhverдова” [Там же, 5, 14, 17, 21, 32, 79, 84, 86–87, 90, 107, 134, 140–141]. В отмеченных местах книги одобрительно отмечают и цитируются положения “теории” В.М. Аллаhverдова и предпринимаются попытки “подружить” позиции В.Ф. Петренко и В.М. Аллаhverдова, которые существенно расходятся. Даже при большом воображении трудно себе представить, что рассмотренная выше “теория” (“психологика сознания”) может действительно служить “новым общепсихологическим базисом психологии” и что она создает “одну из новых точек роста отечественной психологии”, является наиболее разработанным исследованием проблемы сознания. Должен заметить, что сам новый термин “психологика” сбивает с толку: неясно, что он означает в приложении к понятию сознания – психологическую логику, логическую психологию или одновременно психологию и логику (во всех случаях значение термина остается неясным).

Среди психологов (да и среди философов) сейчас в моде безразмерная свобода мышления, «право» каждого говорить, что угодно (без какой-либо реальной ответственности за свои утверждения). Основательный критический анализ предлагаемых концепций – необходимое условие деловых дискуссий и действительных теоретических достижений в современной психологии. Здесь может быть успешным сотрудничество с философами, специалистами по методологии науки. Конечно, критическая работа – дело трудоемкое и малоинтересное, ведь каждый занят «своими» вопросами, нет времени. Даже при сильном желании автора концепции, ему трудно найти для себя профессионального оппонента – знаю это по своему опыту; до сих пор в поиске. Не имея надежды увлечь других личным примером, я все же счёл своим долгом выполнить такую тяжелую критическую работу. И думаю, что дискуссия по затронутым мной вопросам будет полезна.

Разумеется, в работах В.А. Аллахвердова есть немало интересных мыслей и критических соображений, сильно выражено недовольство (в ряде отношений оправданное) существующим положением дел в психологии. Важно отметить, что автор сохраняет определенную самокритичность. Он признает: «...в моих рассуждениях много зияющих дыр – это отнюдь не законченная теория» [Аллахвердов 2014, 41]. Но вместе с тем он твердо убеждён, что им на самом деле создана весьма значительная теория, что она должна и будет успешно развиваться. Он заявляет, что именно его теория открывает единственно правильный путь исследования и понимания сознания и психики и что именно на этом пути «психология может стать, наконец, логичной наукой» [Аллахвердов 2016, 35]. Единственно правильный путь познания сознания, как он утверждает, – это путь «радикального когнитивизма» [Там же]. Так он определяет свою принципиальную теоретическую позицию.

Однако с этим нельзя согласиться. Позиция «радикального когнитивизма» заведомо несостоятельна. Она крайне упрощает многоплановую проблему сознания: отсекает как излишние или просто выносит за скобки важнейшие, наиболее трудные узлы проблемы сознания. Об этом подробно писал В.А. Лекторский [Лекторский 2015] и другие, в том числе зарубежные философы. За бортом остаются актуальнейшие вопросы онтологии, аксиологии и праксеологии сознания, вся экзистенциальная проблематика, задача объяснения субъективной реальности как специфического и неотъемлемого качества сознания. С позиций «радикального когнитивизма», как мы видели, категорически отрицается необходимость и правомерность объяснения характера связи явлений субъективной реальности с мозговыми процессами, их способность служить причиной телесных изменений. Эти вопросы находятся более полувека в центре внимания аналитической философии и являются ключевыми для психопсихологии и новейших направлений нейронауки. Они имеют первостепенное значение для конвергентного развития НБИКС (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных, социальных технологий и соответствующих им областей научного знания).

Весь этот круг вопросов проблемы сознания, который игнорируется с позиций «радикального когнитивизма» В.М. Аллахвердова, широко разрабатывается в современной психологии. Несмотря на дефицит в психологии основательных теорий, научные знания о сознании в ней весьма объемны. Но их рост, как хорошо известно, вызывает новые проблемы, умножает их число, остро актуализирует некоторые старые проблемы. Самым узким местом сегодня в философских и психологических исследованиях сознания является экзистенциальная проблематика – о подлинных смыслах существования и деятельности человека и человечества. В условиях неуклонного углубления общего кризиса нашей потребительской цивилизации эти вопросы приобретают чрезвычайную актуальность. Проблема сознания в целом становится самой главной, судьбоносной для нашей цивилизации, ибо доминирующие негативные черты массового сознания, такие как ненасытность потребления, агрессивность к себе подобным, чрезмерное эгоистическое своеволие как раз и определяют гибельный вектор ее развития. Если эти черты сознания не изменятся, нас ждет антропологическая катастрофа.

Как изменить ценностно-смысловые, целеполагающие, интенционально-волевые структуры сознания? Вот центральная научная и социокультурная проблема нашего времени, способы решения которой пока еще слабо осмыслены. Но не вызывает сомнения, что эта трансдисциплинарная проблема находится в русле НБИКС-конвергенции и развития социогуманитарных дисциплин, требует максимальной концентрации организационных, материальных, интеллектуальных и волевых ресурсов, укрепления веры в творческие силы разума и в реальность перехода земной цивилизации на качественно новый этап развития. Психология призвана внести свой вклад в осмысление и решение этой глобальной проблемы, и она должна настраивать разработку проблемы сознания в таком стратегическом направлении, с учетом именно этой сверхзадачи.

Ссылки – References in Russian

Акопов 2010 – *Акопов Г.В.* Психология сознания: Вопросы методологии, теории и практики исследований. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2010.

Аллахвердов 2000 – *Аллахвердов В.П.* Сознание как парадокс. СПб.: Издательство ДНК, 2000.

Аллахвердов 2009^a – *Аллахвердов В.М.* Сознание – кажущееся и реальное // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 1. С. 137–150.

Аллахвердов 2009^b – *Аллахвердов В.М.* Сознание как путь к осознанию (Размышления психолога) // Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Канон+, 2009. С. 361–382.

Аллахвердов 2012^a – *Аллахвердов В.М.* Когнитивная психология сознания // Вестник СПбГУ. 2012. Серия 6. Вып. 2. С. 50–59.

Аллахвердов 2012^b – *Аллахвердов В.М.* Законы сознания и эволюция знания // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2012. Т. 1, № 2. С. 2–18.

Аллахвердов 2014 – *Аллахвердов В.М.* Сознание, научение и контроль – вперед к теории // Вестник СПбГУ. 2014. Серия 16. Вып. 4. С. 41–51.

Аллахвердов 2016 – *Аллахвердов В.М.* Психика и сознание в логике познания // Вестник СПбГУ. 2016. Серия 16. Вып. 1. С. 35–46.

Лекторский 2015 – *Лекторский В.А.* Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3–15.

Мамардашвили 1996 – *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.

Матюшкин 2007 – *Матюшкин Д.П.* О возможных нейрофизиологических основах природы внутреннего «Я» человека // Физиология человека. 2007. Т. 33. № 4. С. 1–10.

Швырев 2009 – *Швырев В.С.* Теория // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 973–975.

Юревич 2012 – *Юревич А.В.* Психологи тоже шутят. М.: Канон+, 2012.

Voprosy Filosofii. 2017. Vol. 9. P. 151–161

Consciousness as «Riddle» and «Mystery»: the Paradoxes of «Radical Cognitivism»

David I. Dubrovsky

In recent decades, the problem of consciousness is becoming increasingly high relevance. In this connection there are numerous conceptual constructions in psychology, which claim to be the «theory of consciousness». As a rule, these theories, being different in content, do not pass thorough critical test that contribute to the impression of intensive and successful development of the problem of consciousness. Meanwhile, some of them were suffer from serious shortcomings and are very far from what is considered to be theory in epistemology. This is shown by the example of the review and critical analysis of the very popular «theory of consciousness» by the famous psychologist, Professor V.M. Allakhverdov, who created his own school, defends the «radical cognitivism» position and claims that he revealed the «mystery of consciousness» and created an entirely new theory of consciousness that could become the theoretical basis of psychology.

KEY WORDS: theory of consciousness, a subjective reality, the unconscious, knowledge, information, psychophysiological problem, epistemology, methodology of science, «radical cognitivism».

DUBROVSKY David I. – Ph.D. in philosophy, professor, chief research fellow, Department of theory of knowledge, Institute philosophy of RAS.

ddi29@mail.ru

Received at April 10, 2017.

Citation: Dubrovsky, David I. (2017) ‘Consciousness as “riddle” and “mystery”: the paradoxes of “radical cognitivism”’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2017), pp. 151–161.

References

Akopov, Garnik V. (2010) *Psychology of Consciousness: Questions of methodology, theory and research practice*, Publishing House of the Institute of Psychology RAS, Moscow (in Russian).

Allakhverdov, Victor M. (2000) *Consciousness as a paradox*, Publisher DNA, St. Petersburg (in Russian).

Allakhverdov, Victor M. (2009^a) “Consciousness – apparent and actual”, *Methodology and history of psychology*, Vol. 4, Issue 1, pp. 137–150 (in Russian).

Allakhverdov, Victor M. (2009^b) “Consciousness as a way to recognize the awareness”, *The problem of consciousness in philosophy and science*, Kanon+, Moscow, pp. 361–382 (in Russian).

Allakhverdov, Victor M. (2012^a) “Cognitive psychology of consciousness”, *Bulletin of St. Petersburg State University*, Series 6, Vol. 2, pp. 50–59 (in Russian).

Allakhverdov, Victor M. (2012^b) “The laws of consciousness and the evolution of knowledge”, *Bulletin of Irkutsk State University*, Vol. 1, N2, pp. 2–18 (in Russian).

Allakhverdov, Victor M. (2014) “Consciousness, learning and control – forward to the theory”, *Bulletin of St. Petersburg State University*, Series 16, Issue 4, pp. 41–51 (in Russian).

Allakhverdov, Victor M. (2016) “Psyche and consciousness in the logic of knowledge”, *Bulletin of St. Petersburg State University*, Series 16, Vol. 1, pp. 35–46 (in Russian).

Damasio, Antonio (2012) *Self comes to Mind. Constructing the Conscious Brain*, Vintage Books, London.

Lektorsky, Vladislav A. (2015) “Whether the human sciences possible?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2015), pp. 3–15 (in Russian).

Mamardashvili, Merab K. (1996) *Necessity itself*, Publishing House Labirint, Moscow (in Russian).

Matyushkin, Dmitry P. (2007) “On the possible neurophysiological bases of the nature of the inner “I” of man”, *Human Physiology*, Vol. 33, N 4, pp. 1–10 (in Russian).

Shvyrev, Vladimir S. (2009) “Theory”, *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, Kanon+, Moscow, pp. 973–975 (in Russian).

Yurevich, Andrey V. (2012) *Psychologists also joking*, Kanon+, Moscow (in Russian).